

ИМПЕРАТОР хотел МИРА...

— Признаюсь, я не очень люблю исторические спектакли, ибо, как правило, они воздействуют не на душу, а на разум. Работа Малого театра — исключение... Великие княжны празднуют 17-летие княжны Нasti, какие они красивые, молодые. Наследник-цесаревич — маленький, обязательный — говорит спокойно: «По-моему, нас убьют». На сцене — последние дни последнего императорского семейства России. Персонажи истории оживают, чтобы погибнуть не на страницах учебника, а в нашем сознании. Спектакль оживил трагедию. Смотреть его страшно...

— Вы сказали про учебник, но ведь не было таких учебников истории, из которых можно было узнать правду. Трагический парадокс: в течение многих лет мы читали книги, в которых царь назывался тираном, в то время как писались они под диктовку настоящего российского тирана.

— На этом спектакле я подумал, что для нас царь ассоциируется скорее с персонажем сказки — эдаким чуть придурковатым неврастеником, нежели с человеком очень образованным и интеллигентным. Какие бы ошибки ни совершал последний русский император, эти качества у него отнять нельзя. Про Николая II мы не знаем практически ничего. Например, только из вашего спектакля я узнал, что во время русско-германской войны царь объявил — говоря современным языком — антиалкогольную кампанию, которая очень не приветствовалась народом. Наверное, и вы во время работы над спектаклем узнали много нового о судьбе российского императора?

— Безусловно. Но хотел бы подчеркнуть, что наша работа посвящена последним дням жизни императора и мы не беремся судить о его жизни и деятельности. А разве можно забывать, скажем, о таком факте: в 1899 году Николай собрал Гаагскую мирную конференцию, на которой обсуждалась возможность решить конфликты, зреющие в Европе, мирным путем... Хотел ли царь мира? Думаю, да. Во всяком случае, измышления о том, что он-де развязал войну, ни в коей мере неосостоятельны. Однако, когда война началась, он хотел раз и навсегда уничтожить германский милитаризм. Кто знает, как сложилась бы мировая история, если бы царь эту задачу решил...

— Я всегда предполагал, что Николай вынудили отречься от престола. Между тем из вашего спектакля следует, что это не совсем так... — По воспоминаниям очевидцев, когда представители Временного правительства приехали в ставку к императору и привезли ему текст отречения, Николай поступил следующим образом. Он отлучился на десять минут и затем вынес собственный текст. Естественно, он не написал его за столь краткое время. Значит, Николай готовился к подобному повороту событий.

Николай был очень любящий отец, его сын Алексей сильно и безнадежно болел. Николай понимал: если он хочет сохранить сына как родитель — страна должна потерять Алексея как императора. Потому что, как вы понимаете, государь — даже столь юный, как Алексей — родителям уже не принадлежал бы. Император отрекся в пользу брата.

— Было ли это отречение ошибкой? — Думаю, на этот вопрос уже никто точного ответа дать не сможет, во всяком случае, сегодня это пока еще одно из белых пятен. Другое дело — ошибкой, на мой взгляд, была нерешительность императора, когда он собирался отдать крестьянам землю. А он хотел это сделать, но все тянул. По-человечески его можно понять, ведь это очень русская черта: годить. Мол, поглядим, что дальше будет.

— В спектакле Николай в эти последние дни ведет себя очень достойно, его гложет одна забота: как спасти семейство. На ваш взгляд, понимал ли император, что ему грозит смерть?

— Конечно. Он ведь был военный человек и прекрасно сознавал свою обреченность. Правда, император рассчитывал на суд. Кстати, Троцкий и предлагал царя судить. Наш спектакль строится как внутренний динамичный монолог царя, его подготовка к последней речи, которую Николаю не суждено было произнести.

— Может ли Россия снова стать монархией?

— Если говорить конкретно по поводу возрождения монархии, то, если не ошибаюсь, в Лондоне живет прямой наследник Александра III, но ни он, ни его дочь на российский престол не претендуют. Понятно, что возрождение монархии в России вряд ли возможно.

Но вот о чем бы хотелось сказать. Я не историк, не политолог, я размышляю, как обычный человек. И я знаю, что существуют законы семьи, обычной семьи. Чтобы семья была обычной,

в ней непременно должен быть глава — тот, кто за семью отвечает. Если два таких человека — они непременно начинают конфликтовать, и семья рушится. То же самое, по-моему, и в государстве.

Кстати, по такому же принципу мы строим сейчас и работу Малого театра. Потому что никакое коллегиальное руководство, никакие советы трудового коллектива, художественные советы не могут нести ответственности. Ответить должен один человек.

— Вы не боитесь, что после этого спектакля вас обвинят в приверженности монархическим идеям? — Уже обвиняют. А еще чаще — в антисемитизме.

— Да? Странно... Мне, наоборот, показалось, что в постановке очень точно и, я бы сказал, реалистично рассказано о взаимоотношениях русских и евреев. Проблема эта существует — надо ли ее скрывать? Действительно, стоило двум людям еврейской национальности участвовать в расстреле царя, как потом 70 лет антисемиты всех мастей твердят, что русского царя убили евреи. Хотя, с одной стороны, активное участие в расстреле принимали и русские тоже, а с другой — царь отнюдь не был чистокровным русским, в спектакле утверждается, что он был русским на одну тридцать вторую. Да и вообще, как мне кажется, заглядывать в пятый пункт — это последнее дело...

— Подобные обвинения в адрес «...И аз воздам» происходят оттого, что зрители — в особенности критики — ищут в спектакле не то, что там есть, а то, что им хочется найти. Кроме того, в постановке нет указующего перста, мы предлагаем вместе думать, вместе размышлять, рассматривать эту историческую ситуацию с двух сторон, а не с одной, как мы делали до сих пор. И когда нам говорят: мол, как-то у вас все чересчур резко, надо бы сгладить, мы спрашиваем: «Что огладить? Историю?»

— А как вы понимаете название спектакля «...И аз воздам»?

— Человек должен отвечать за содеянное, должен помнить свое человеческое начало, подчинять ему сердце и разум, ибо существует еще, наверное, какое-то измерение, в котором нам так или иначе воздастся...

— Вы верующий человек?

— К сожалению, нет, но я — человек суеверный. Я не верю в единого Бога, но верю, что человеку рано или поздно воздается и за добро, им содеянное, и за зло.

— Видимо, воздается не только отдельному человеку, но и стране. Зло может породить только зло. Убили больного ребенка, убили девушек, не претендовавших на престол, убили женщину-императрицу, убили императора без суда. Это незаконное убийство, как мы теперь знаем, только начинало цепь незаконных убийств в нашей стране. В спектакле — в напряженной тишине зала — дается ответ на вопрос: «Кто отдал приказ о расстреле?» — Ленин и Свердлов. Между тем Малый театр нахо-

дится на площади, носящей имя Свердлова...

— Я всю жизнь называл площадь Театральной, знаю, что и многие москвичи называют ее так... По-моему, это верно. А то ведь вообще какая-то путаница получается: площадь Свердлова, а памятник стоит Марксу... Хотя не это, разумеется, главное — просто площадь, которая образована тремя театрами — Большим, Малым и Центральным детским, должна называться Театральной. Это ведь тоже наша история, это исторически сложившийся центр Москвы.

— Было бы неправильно, если бы, разговаривая с художественным руководителем Малого театра, я бы не спросил вас о том, какой вам видится перспектива этого знаменитого театра?

— Мне кажется, что Малый театр должен существовать как театр классической пьесы, как исторический театр. Мы не против современных форм, не против авангарда, но есть же в Японии театр Кабуки? А у нас будет Малый театр — что ж плохого?

В одном молодежном театре я смотрел спектакль по пьесе великого Островского. Не говорю уж о том, что великой пьесе было придумано свое название, но некоторые эпизоды меня просто поразили. Например, там один купец раздевается и остается в трусах. Простите, но купец не мог прилюдно раздеваться, купеческое сословие обладало собственной гордостью, если не сказать гордыней. А потом — извините — купцы носили кальсоны.

Когда меня выбрали художественным руководителем, я снял из афиши 12 названий. Работая без основного здания, без своих мастерских, мы продолжаем выпускать спектакли, наши актеры остаются популярными — их все время приглашают в кино. А критика почему-то не хочет этого замечать, будто это такой хороший тон: поругать Малый театр. Один критик дошел до того, что, поглядев репетицию, тут же спектакль разругал. Постановка еще к зрителям не вышла, а критическая рецензия уже готова.

— Вы не боитесь, что при отсутствии современных пьес и вообще при подобном историческом подходе и к Малому театру к вам перестанет ходить молодежь?

— Я не говорил про отсутствие современных пьес: после ремонта у нас будет по-другому функционировать сцена филиала, у нас есть еще и Камерная сцена. Конечно же отбор современных авторов должен быть очень жестким. А что касается молодежи... На мой взгляд, с ней не надо заигрывать. Молодежь ведь тоже бывает разная, и то, что скучно одним, может быть очень интересно другим.

— Думаю, что спектакль «...И аз воздам» молодым людям будет не только интересен, но и весьма полезен.

— Надеюсь. Мы играли одной командой: и артисты, и автор пьесы Сергей Кузнецов, и руководитель литературного отдела Борис Любимов, который очень помогал в работе, не говоря уж о том, что благодаря Любимову пьеса оказалась в нашем театре, и постановщик Борис Морозов, и художник Иосиф Сумбаташвили... А куда мы хотели забить гол? Наверное, в то самое белое пятно истории. Если нам это хотя бы отчасти удалось, будем считать, что мы работали не напрасно.

Конечно, это сенсация: впервые на московскую сцену вышел Николай II — последний российский император. Это случилось в спектакле «...И аз воздам», поставленном в Малом театре. О личности Николая, о его трагической судьбе беседуют народный артист СССР художественный руководитель Малого театра и исполнитель роли Николая II Юрий СОЛОМИН и редактор еженедельника «Собеседник» Андрей МАКСИМОВ.

Сцена из спектакля «... И аз воздам».